

Cintautas Kundrotas <https://orcid.org/0000-0002-1579-0629>
Vytautas Magnus University (Litwa)
gintasslav@gmail.com

Изменения в морфологическом строе языка (на материале русского и литовского языков)

Аннотация

Известно, что структура языка постоянно меняется. В данной работе сопоставляются процессы и результаты изменений языковой структуры от синтетизма к аналитизму в морфологии генетически и типологически близких русского и литовского языков.

Настоящее исследование выявило, что динамика современного общества, смена социальных, политических, экономических, а также психологических установок в последние десятилетия вызвало в русском языке активные процессы нарастания аналитических черт, в отличие от литовского, который, оставаясь традиционно консервативным, в сторону аналитизма продвинулся в гораздо меньшей степени.

Ключевые слова: синтетический, аналитический строй, черты аналитизма, демократизация, европеизация, глобализация общества

Вводные замечания

Типы языка – исторически изменчивая категория, структура языка (все ее уровни) постоянно эволюционирует, в нем действуют три взаимосвязанные процессы: изменение, развитие и совершенствование.

К сожалению, в лингвистике пока нет единого понимания этих категорий, четко не определено их содержание и взаимоотношения.

Несомненно спорными понятиями оказываются категории развития и совершенствования языков. Думается, что нужно согласится с понятием *совершенствование* языка, если в итоге этого процесса «...можно судить о более точном, дифференцированном, объективном отражении действительности и сообщении мысли» (Гречко/Grchko, 2003: 110), что, в свою очередь, может быть обусловлено соответствующим состоянием общества и степенью развитости мышления.

Как принято считать, синтетическими были все древнеписьменные индоевропейские языки, однако дальнейшие их судьбы различаются: «...латинский и древнеболгарский были синтетическими флективными языками, тогда как французский и современный болгарский языки приобрели заметные черты аналитизма» (Кодухов/Koduchov, 1987: 257). Также нельзя не отметить возросший удельный вес аналитических черт в грамматическом строе и некоторых других – романских, германских и славянских языков, ныне определяемых как флективно-аналитические или уже аналитические (Мечковская/Mechkovskaja, 2003: 70).

Английский язык является ярким примером развития и видоизменения грамматического строя, от языка синтетического строя в период древнеанглийского (VII–XI вв., учитывая и период среднеанглийский – XII–XV вв.) к новоанглийскому языку уже аналитическому¹ (с XVI в. и по настоящее время).

Как замечает Б.Ю. Норман, в английском «...черты аналитизма еще более усиливаются и развиваются» (Норман/Norman, 2004: 252).

Несомненно интересным в этой связи становится выяснение характера происходящих изменений в грамматическом строе генетически и типологически близких языков – русского и литовского. Как считает А.Мейе, всем индоевропейским языкам свойственна тенденция к аналитизму, но он указывает на разный темп развития аналитизма в разных индоевропейских языках: «Имеются языки – большинство славянских, латышский, литовский, армянский, где эта тенденция в настоящее время еще далека от завершения, но и здесь наблюдается ее действие» (Meillet, 1936). Это «действие» в совершенно разной степени отразилось в русском и литовском языках.

Вопрос о развитии аналитизма в русском языке имеет историческую преемственность и периодизацию. Как отмечает Е.А.Брызгунова, ссылаясь на работы В.В.Виноградова (Виноградов/Vinogradov, 1972), «материал первой половины XX века показывает, что тенденция к аналитизму проявляется слабо» (Брызгунова/Bryzgunova, 2004: 72). Развитие аналитизма в русском языке усилилось во второй половине XX века, это отмечается в коллективном социолингвистическом исследовании «Русский язык и советское общество» (РЯСО/RJISO, 1968), в работах Н.С. Валгиной/Valginoj (2003), Е.А. Брызгуновой/Bryzgunovoj (2004), М.Я. Гловинской/Glovinskoj (2001) и др.

Тенденцию к аналитизму следует понимать как внутренний, глубинный языковой процесс, который, как указывает М.В.Панов, усиливается в период демократизации языка (РЯСО/RJISO, т/т.3, 1968: 23). Анализ материала показывает, что динамика современного общества, смена социальных, политических, экономических, а также психологических установок в последние 30 лет перестройки и уже постсоветского общества вызвала больше изменений в русском, чем в литовском языках. Это воздействие, естественно, в разной степени ощущается на разных уровнях языковой структуры сравниваемых языков (больше в лексике, меньше в грамматике и в звуковом строе).

¹ А.В. Широкова утверждает, что «Английский, как и русский, относится к типу флективных языков...» (Широкова/Shyroкова, 2000: 122).

В рамках данной работы будут рассматриваться процессы и результаты изменений языковой структуры от синтетизма к аналитизму в грамматических структурах русского и литовского языков.

Вслед за М.В. Пановым в данной работе аналитизм представляется как «выражение грамматического значения слова вне его пределов». Такое понимание аналитизма, по мнению Е.А. Брызгуновой, «позволяет на единой основе рассматривать аналитизм и в предложно-падежных конструкциях, и в глаголах, и в лексико-грамматическом составе всего предложения» (Брызгунова/Bryzgunova, 2004: 72–73). В том же духе аналитизм понимает Н.С. Валгина: «Аналитические формы отличаются от синтетических тем, что их грамматическое значение передается вне пределов данного слова, т.е. функция и значение этих форм выявляются в контексте, при соотношении с другими словами» (Валгина/Valgina, 2003: 156). См. также: «Общей чертой аналитических способов является выражение грамматического значения за пределами слова, отдельно от него – например, с помощью предлогов, союзов, артиклей, вспомогательных глаголов и других служебных слов, а также с помощью порядка слов и общей интонации высказывания» (Мечковская/Mechkovskaja, 2003: 70).

Таким образом, **цель** настоящей статьи - обозначить основные черты проявления морфологического аналитизма в сравниваемых языках. Основная **задача работы** – выявить особенности и объем отмеченного процесса в последние 2-3 десятилетия, то есть **объектом** анализа является сопоставление активных процессов в морфологии **современных** русского и литовского языков.

В данной работе используется **описательный метод**, включающий элементы сопоставления, что обусловлено теоретико-концептуальным характером исследования, охватывающем несколько языков.

Основная часть

Современные русский и литовский языки типологи единодушно относят к флективным языкам синтетического строя. Все-таки необходимо отметить, что степень и конкретные формы проявления синтетизма/аналитизма в современном их состоянии, естественно, различаются.

Литовский язык в своей структуре до настоящего времени сохранил гораздо больше прежних черт флективности² и синтетизма, по сравнению с современным русским языком, который в своем развитии от древнерусского утратил богатую временную систему, некоторые типы склонения и обогатился предложными формами. Таким образом, литовский язык в настоящем своем состоянии находится ближе к древнерусскому языку.

² Как указывает энциклопедия литовского языка, «Литовский язык среди всех современных индоевропейских языков лучше других сохранил черты синтетического строя, хотя и в нем в некоторых случаях начинают распространяться средства аналитизма, например, вместо исконных падежных форм используются предложно-падежные» (*Lietuvių kalbos enciklopedija*, Vilnius, 1999: 302).

Русский язык особенно активно развивался в последние 5-6 десятилетий и приобрел значительное количество аналитических черт, в отличие от литовского, которому была свойственна меньшая быстрота развития грамматического строя и даже своеобразный консерватизм.

Как уже было отмечено выше, тенденцию к аналитизму прежде всего следует понимать как внутренний, глубинный языковой процесс, наиболее отчетливо в русском языке обозначившийся во второй половине XX и в начале XXI века, в периоды, отмеченные существенными социальными преобразованиями.

На основании этого представляется целесообразным обозначить основные социальные изменения, оказывающее влияние на активизацию тенденции к аналитизму в языке, а также на развитие коммуникативного сознания в целом. И.А. Стернин по отношению к русскому языку выделяет следующие факторы: свобода слова, открытость общества, переход к рыночной экономике (Стернин/Sternin, 2004: 73–74). К этому перечню, пожалуй, можно добавить такие явления, как демократизация общества, сопутствующая ей европеизация и всеобъемлющая глобализация, примерно в одинаковой степени оказывающие воздействие на оба языка. Сюда также следует отнести возросший активный интерес к английскому языку, и, как следствие этого, возможное его влияние на развитие аналитических конструкций как в русском, так и в литовском языках. При этом следует отметить, что указанные процессы зарождаются и происходят в речи и не всегда одинаково быстро отражаются в самой структуре конкретного языка.

Итак, как утверждает Н.С. Валгина, на общем фоне стабильности морфологии и крайне медленном течении внутренних процессов преобразования все же можно выявить некоторые тенденции, затрагивающие всю морфологическую систему языка.

Аналитизм в русском языке прежде всего обнаруживается 1) в сокращении числа падежей; 2) в росте класса несклоняемых имен (существительных, прилагательных, числительных); 3) в росте существительных общего рода, точнее, в применении форм мужского рода к обозначениям женского пола; 4) в изменении способа обозначения собирательности в именах существительных (собирательное значение у форм, обозначающих единичность).

Рассмотрим проявление этих процессов в русском и соответственно в литовском языках.

1. Сокращение числа падежей.

В русском языке полностью исчез звательный падеж, следы его просматриваются лишь в некоторых междометных формах (боже мой; господи). В литовском языке эта форма продолжает активно использоваться, совпадения окончаний **звательного и именительного** падежей немногочисленны (преимущественно у им. существительных женского рода). В таких случаях различительным средством является: а) ударение или, как и в русском языке, б) интонация. Например:

- а) *мама* – *мама!* (мама!); *Regina* – *Regina!*; *Irena* – *Irena!* *Barbora* – *Barbora!*; *Rita* – *Rita!*;
 б) *Laima* – *Laima!*; *Jolanta* – *Jolanta!*; *mokytoja* – *mokytoja!* (учительница!); *dėstytoja* – *dėstytoja!* (преподавательница!); *vairuotoja* – *vairuotoja!* (водительница!).

Следует отметить, что совпадение форм окончаний именительного и звательного падежей обнаруживается преимущественно в именах собственных неисконных, заимствованных. В других случаях это характерно для относительно новых имен существительных женского рода, обозначающих лиц женского пола определенной профессии или рода деятельности.

В литовском языке крайне редки случаи омонимии падежных окончаний, не было и нет разных окончаний одного падежа, дифференцированных по семантике и стилистической окраске. Таким образом, нет основания говорить о сокращении числа падежей, как в русском языке, в котором наблюдаем соединение в родительном падеже значений атрибутивного и партитивного, в предложном – местного и изъяснительного, что на современном уровне сопровождается вытеснением форм на -у (*много народа; гулять в саде* и др.) (Валгина/Valgina, 2003: 156–157); Русский предложный падеж также сильно отличается от литовского – прежде всего тем, что русский язык значения выражает в сочетании с предлогом, а это тоже признак аналитизма.

2. Рост класса несклоняемых имен (существительных, прилагательных, числительных).

В русском языке прежде всего следует выделить географические названия на -ин(о), -ов(о) (*Тушино, Иваново, Шереметьево* и др.) и фамилии на -их/-ых, -аго/-яго, -ово, -о (*Жарких, Живаго, Дурново, Минченко, Шевченко, Ткаченко*), а также фамилии типа *Буян, Муравей* и др. в применении к лицам женского пола) – они давно уже идут в направлении несклоняемости. В литовском языке исконные несклоняемые слова отсутствуют. Традиционно сохраняется тяга склонять уже несклоняемые заимствования из русского и других языков, такие как *Шереметьево, Тушино, Гродно, Палермо, Токио, Осло, фамилии Шевченко, Ткаченко, Живаго, Леонардо да Винчи*. Правда, определенная часть заимствований все-таки не склоняется – *Баку, Жарких, Дурново* и некоторые др.

Рост несклоняемых имен в русском языке наблюдается в группе сложных слов, первые части которых называют понятия военной, бытовой, специальной лексики (*генерал-полковник; магазин-салон; кабина-капсула*). В литовском языке продолжают склоняться обе части сложных наименований: *generolas-majoras, kapitonas-leitenantas, sofa-lova, vagonas-restoranas, inžinierius-ekonomistas*. Немногочисленные исключения типа *яхт-клуб* – первая часть не склонялась и не склоняется также и в литовском языке.

К несклоняемым в русском языке можно также отнести старые заимствования (*табу, алоэ, биде, купе, идальго, маэстро, депо, пони, жалюзи*, и др.) и большинство аббревиатур (*ОРТ, НТВ, МВФ, СМИ, КГБ, ФСБ, ГРУ, ЦРУ* и др.).

В литовском языке часть таких аналогичных старых заимствований склоняется, часть – нет. Напрашивается вывод, что не склоняются имена собственные и нарицательные, окончания которых не имеют соответствий в литовском – это существительные на -у, -э(е), -их, некоторые на -о, -ово (-ево): *aloje, bide, kupe, tabu, kakadu, gni, Baku, Mikelandželo*. Склоняются литуанизированные имена: *paltas (пальто), depas (депо), žaliuzės (жалюзи), ponis (пони), biuras (бюро)* и др.

Особое место занимают несклоняемые прилагательные типа: *стиль гротеск, модерн, часы пик, цвет электрик, маренго* и др., Как отмечает Н.С.Валгина, «в таких словоупотреблениях особенно важен контекст, так как эти слова в другой позиции могут выступать в роли имен существительных, ср.: *купил маренго* (ткань), *пальто маренго* (цвет)» (Валгина/Valgina, 2003: 161). Подобный способ словообразования – конверсия – является ярким признаком аналитизма в русском, и, например, в уже в аналитическом английском языке, где наиболее широко распространена конверсия у существительных и глаголов с одинаковым написанием и произношением.

В литовском языке часть таких прилагательных неупотребительны (как *маренго, апаши*), некоторые, как и в русском, не склоняются (*бордо, беж, электрик*), но значительная часть из них литуанизированы и склоняются: *modernas, pikas, reglanas, groteskas*, при этом свободно употребляются как прилагательные и существительные: *moderno stilius ir modernas* (стиль модерн и модерн), *reglano stilius ir reglanas* (стиль реглан и реглан), *piko valandos ir baisus pikas* (часы пик и ужасный пик).

Аббревиатурам в литовском языке свойственна заметно большая тяга к склоняемости, чем в русском языке. Склоняются не только те, которые склоняются в русском – *ГОСТ, МХАТ, ВАК, ВГИК* (*GOST-as, MCHAT-as, VAK-as, VGIK-as*), но и целый ряд несклоняемых русских и других иноязычных аналогов: *СК (ЦК), СИК (ЦИК), ТЭС (ТЭЦ), РОСТА (РОСТА), ВИП (ВИП)*, также некоторые новые литовские аббревиатуры: *LNK* (название телевидения), *FBK* (название футбольного клуба). Слудует отметить, что их склонение ограничено, прежде всего использованием винительного падежа в роли прямого дополнения, например: *žiūriu LNK – elenką* (смотрю елэнка), *perėjo į FBK – febeką*, (перешел играть в FBK (фэбэка). Как и в русском языке, в литовском такие формы более частотны в разговорной речи, в литературном языке закрепляются постепенно.

Определенная часть аббревиатур в литовском, как и в русском, не склоняется (часть из них употребляются только как в оригинале), например: *ЦРУ (CŽV), МГУ (MVU), МГПУ (MVPV), ОПТ (ORT), КГБ (KGB), НКВД (NKVD)*.

Интенсивно в русском языке ослабевает также склонение числительных, причем здесь следует отметить не только массовые нарушения правил склонения сложных составных числительных, но и числительные, используемые в качестве приложений (*Олимпиада-2000; дом один (=дом номер первый)* и др.) (Валгина/Valgina, 2003: 160).

В литовском языке традиционно и строго в официальной речи, в литературном языке продолжают склоняться им. числительные. Некоторое влияние до 90-ых годов на несклоняемость литовских числительных оказывал русский язык, когда в литовские средства массовой информации почти автоматически переносились «штамповки» из советских информационных сообщений: *Восток-1 (Vostok-1), Союз-12 (Sojuz-12), Аполло-13 (Apollo-13), Луноход-2 (Lunochod-2), Олимпиада-80 (Olimpiada-1980)* и т.д.

В радио- и телепередачах эти числительные озвучивались преимущественно как несклоняемые. Тем не менее в некоторых сочетаниях числительные стремились «синтезировать», т.е., склонять: *Apollo tryliktas, Vostok pirmas* и др.

Отмечаю постоянное стремление литовского языка к синтезму, нельзя не обратить внимание на некоторые противоположные явления. Так, в молодежной разговорной речи вместо длинных и, видимо, неудобных в употреблении им. числительных *keturiasdešimt, penkiasdešimt, šešiasdešimt* часто используются односложные несклоняемые заменители *kem* (40), *pem* (50), *šem* (60), образованные явно под влиянием английского языка.

3. Усиление аналитизма в русском языке обнаруживается в своеобразном употреблении форм грамматического рода имен существительных. Как отмечает Н.С.Валгина, «в современном русском языке значительно возрос (и продолжает расти) класс слов наименований лиц в форме мужского рода, к которым нет соответствующих форм женского рода» (Валгина/Valgina, 2003: 161). Приводятся такие примеры как *министр, президент, дипломат, посол, бухгалтер, инженер, декан, юрист, профессор, полковник, майор, космонавт* и многие другие должности, традиционно занимаемые мужчинами, обозначенные формами имен мужского рода, но которые, как известно, могут занимать и занимают женщины. Даже если в некоторых случаях и возможны коррелирующие формы (профессорша, генеральша), то они не имеют официального статуса и либо обозначают жену по мужу, либо обязательно снабжаются просторечным оттенком звучания, т.е. выпадают из литературного употребления.

В литовском языке практически без исключений параллельно используются наименования специальностей и должностей мужского и женского рода, например: *ministrė, prezidentė, diplomatė, pasiuntinė, buhalterė, inžinierė, dekanė, juristė, profesorė, pulkininkė, majorė, kosmonautė*. Реально возможны образования и в таких случаях, когда такой женской специальности или должности обычно нет: *kalvis* (кузнец) – ж.р. *kalvė, stalius* (столяр) – ж.р. *stalė* (в том числе и наоборот, для обозначения наименования в форме мужского рода лиц сугубо женской специальности: *mezgėjas* (м.р.) – *mezgėja* (вязальщица), *verpėjas* (м.р.) – *verpėja* (прядильщица) и др.

Таким образом, «растущая несклоняемость имен – особенно собственных, как исконного, так и иноязычного происхождения, – явно свидетельствует о частичной утрате русским языком синтетических средств передачи грамматического и смыслового значения» (Валгина/Valgina, 2003: 162). Материал литовского языка, наоборот (за немногочисленными исключениями), подтверждает в нем прочные позиции синтетизма.

4. Изменение способа обозначения собирательности в именах существительных (собирательное значение у форм, обозначающих единичность или обобщенную множественность).

Это еще одно из возможных экономных аналитических средств выражения значения. Русский язык не обладает достаточным количеством собственно собирательных имен, имеющих особую форму для выражения множественности: *студенчество, учительство, офицерство, товарищество; профессура; детвора, ребятня, солдатня; старичье, молодежь*. Как отмечает Н.С. Валгина, производство подобных слов по специальным моделям в середине XX века прекратилось, а потребность в таком выражении значения собирательности в языке не уменьшилась, может быть, даже

усилилась. Далее она уточняет, что «скорее всего, именно это и явилось причиной поисков новой формы для передачи собирательности, формы, которая уже есть в языке. Такой формой оказалась форма единственного числа имени, значение собирательности в которой усматривается только благодаря контексту, т.е. аналитически (Валгина/Valgina, 2003: 163).

Как промежуточный вариант решения проблемы можно отметить поиск языка выразить собирательность описательно: при невозможности суффиксального образования, например, «рыбачество, охотничество», используется словосочетание «общество (или кружок) рыболовов и охотников» и др.

Итак, форма единственного числа имени дает возможность русскому языку значительно расширить круг слов со значением собирательности, при этом наименование в исходной форме экономнее (нет суффиксальных наращений) и конкретнее по информации.

Количество случаев (примеров) выражения собирательности в форме единственного числа имени в литовском языке увеличилось в советское время, прежде всего, в виде калек из русского языка, когда появились многочисленные «дни» и «дома»: *День учителя – Mokytojo diena; День строителя – Statybininko diena*. Но: *Дом учителя – Mokytojų namai; Дом журналиста – Žurnalistų namai; Дом актера – Aktorių namai*. – буквально: дом учителей, журналистов, актеров. Но есть единичные исконные примеры: *Motinos diena* – (День Матери); *Tėvo diena* – (День Отца).

Также немногочисленны в литовском языке формы ед. числа со значением собирательности – по явной аналогии с русским: «*Читатель ждет новых книг*» – *Skaitytojas laukia naujų knygų; Произошла встреча со зрителем – Įvyko susitikimas su žiūrovu* и некоторые другие примеры. Следует отметить, что в последнее время в литовском языке преобладают формы множественного числа: – *Skaitytojai laukia naujų knygų – Читатели ждут новых книг; Įvyko susitikimas su žiūrovais* – Произошла встреча со зрителями.

Эти и другие примеры свидетельствуют, что литовскому языку мало характерно выражение значения собирательности посредством единственного числа имени – литовский такую возможность хоть и допускает, но реально использует пока очень редко. Так происходит скорее всего потому, что в литовском языке, в отличие от русского, формы ед.-мн. числа продолжают использоваться преимущественно для обозначения соответственно или единичности, или множественности. Поэтому тогда, когда в языке нет привычной суффиксальной формы выражения собирательности, в литовском ее замещает имя во множественном числе (форма, по содержанию наиболее близкая собирательности), а в русском – имя в единственном числе при условии соответствующего контекста, т.е. значение собирательности в итоге формируется *аналитически*, за рамками самого слова.

В литовском языке сохраняется стремление к традиционному синтетическому (суффиксальному) способу выражения собирательности. Образование новых форм происходит сравнительно легко: *žvėrynas* – от *žvėris* (зверь), *senimas* – от *senis* (старик), *jaunimas* – от *jaunuolis* (юноша), *karininkija* – от *karininkas* (офицер), *pionierija* – от *pionierius* (пионер), *darbininkija* – от *darbininkas* (рабочий), *studentija* – от *studentas* (студент), *vyrija* – от *vyras* (мужчина), *kompiuterija* – от *kompiuteris* (компьютер).

5. В литовском языке в последние 2–3 десятилетия распространяются формы имен собственных, обозначающих фамилии женщин без традиционных суффиксов, указывающих на их семейное положение (девушка или замужняя женщина).

Девичьи фамилии образовывались с использованием суффиксов *-aitė*, *-ytė*, *-utė*, например, *Ivanauskaitė* (от *Ivanauskas*); *Balsytė* (от *Balsys*); *Zvonkutė* (от *Zvonkus*).

Фамилии женщин образовывались с использованием суффиксов *-(i)uvienė* или *-ienė*, например, *Ivanauskienė*, *Balsienė*, *Zvonkuvienė*.

В настоящее время наблюдаем массовое образование женских имен собственных только с помощью окончания *-ė*: *Ivanauskė*, *Balsė*, *Zvonkė*, *Bunkė*, *Sirvydė*, *Siparė*, *Dzedulionė*, *Žižė*, *Aleknė*. Уточнение семейного положения возможно только аналитически, с использованием соответствующи этикетных форм *panelė* (*барышня*), *ponia* (*госпожа*).

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что типы языка – исторически изменчивая категория, структура языка постоянно меняется. Анализ материала показал, что грамматический строй русского и литовского языков в последние десятилетия проявляет общую тенденцию развития от синтетизма к аналитизму.

Настоящее исследование выявило, что динамика современного общества, смена социальных, политических, экономических, а также психологических установок в последние десятилетия вызвало в русском языке активные процессы нарастания аналитических черт, в отличие от литовского, который в сторону аналитизма продвинулся в гораздо меньшей степени.

Литература

Большой энциклопедический словарь. Языкознание (1998), Москва.

Брызгунова Е.А. (2004), *Развитие морфологического и синтаксического аналитизма в русском языке. // Русский язык: исторические судьбы и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка*, Москва.

Брызгунова Е.А. (2004), Э. Сепир и А. Мейе о развитии аналитизма в индоевропейских языках и современные концепции русистов. // *Сравнительно-историческое и общее языкознание. Сборник статей в честь 80-летия В.А. Кочергиной*, Москва.

Валгина Н.С. (2003), *Активные процессы в современном русском языке*, Москва.

Виноградов В.В. (1972), *Русский язык*, Москва.

Гловинская М.Я. (2001), *Язык эмиграции как свидетельство о неустойчивых участках языка метрополии // Жизнь языка: сборник к 80-летию М. В. Панова*, Москва.

Мечковская Н.Б. (2003), *Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков*, Москва.

Норман Б.Ю. (2004), *Теория языка. Вводный курс*, Флинта Наука, Москва.

Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка (под ред. М.В. Панова), Москва.

Сепир Э. (1993), *Избранные труды по языкознанию и культурологии*, Москва.

Стернин И.А. (2004), *Русский язык и коммуникативное сознание в ближайшие годы (попытка прогноза)*, „Мир русского слова“, № 2.

Широкова А.В. (2000), *Сопоставительная типология разноструктурных языков*, Москва.

Lietuvių kalbos enciklopedija (1999), Vilnius.

Meillet A. (1936), *Linguistique historique et linguistique generale*, Paris.

Bibliografija po transkrypcji

Bol'shoj enciklopedičeskij slovar', (1998), Jazykoznanijje, Moskva.

Bryzgunova E.A. (2004a), *Razvytijie morfologičeskovo i sintaksyčeskovo analityzma v russskom jazykie. // Russkij jazyk: istoryčeskijie sud'by i sovremennost' . II Miezhdunarodnyj kongress issliedovateliej russskovo jazyka*. Moskva.

Bryzgunova E.A. (2004b), *E. Sepir i A. Meillet o razvytiji analityzma v indojevropeskich jazykach i sovremiennyje koncepciji rusistov. Sbornik statej v chiest' 80-lietija V.A. Kocher-ginuj*, Moskva.

Glovinskaja M.J. (2001), *Jazyk emigracijikak svidietiel'stvo o nieustojcyvych ucaskach jazyka metropoliji, Zhyzn' jazyka: sbornik k 80-lietiju M.V.Panova*. Moskva.

Lietuvių kalbos enciklopedija (1999), Vilnius.

Mechkovskaja N.B. (2003), *Obsčeje jazykoznanijie. Strukturnaja i social'naja tipologija jazykov*, Moskva.

Meillet A. (1936), *Linguistique historique et linguistique generale*, Paris.

Norman B.J. (2004), *Teorija jazyka. Vvodnyj kurs*, Flinta Nauka, Moskva.

Panova M.V. (1968), *Russkij jazyk i sovietskoje obsčestvo. Morfoložija i sintaksis sovremennovo russskovo literaturnovo jazyka*, Moskva.

Sepir E. (1993), *Izbrannyje trudy po jazykoznaniju i kul'torologiji*, Moskva.

Shyrokova A.V. (2000), *Sopostavitel'naja tipologija raznostrukturnych jazykov*, Moskva.

Sternin I.A. (2004), *Russkij jazyk i kommunikativnoje soznaniije v blizhajshyije gody (popytka prognoza)*, „Myr russskovo slova“, nr 2.

Valgina N.S. (2003), *Aktyvnyje processy v sovremennom russskom jazykie*, Moskva.

Vinogradov V.V. (1972), *Russkyj jazyk*, Moskva.

Abstract

Changes in the morphological structure of the language (based on the material of the Russian and Lithuanian languages)

The article contains review of synthetic and analytic structure Indo-European languages. Most of all attention is given on examination of analytic cases of grammatical meaning expressions in modern Russian and Lithuanian language, which mainly is synthetic by its structure. Development of analytic elements in synthetic languages is internal centuries-old process and has different rate of growth within various languages. Modern Russian as language of synthetic structure with analytic elements and modern Lithuanian as language of pure synthetic structure. However, tendency to analytic expressions is lived up by external, social processes too. According to the modern Russian and Lithuanian main of such processes are democratization, Europeanization, globalization.

Keywords: synthetic and analytic structure, analytic elements, grammatical meaning expressions, social processes democratization, Europeanization, globalization

Streszczenie

Zmiany w budowie morfologicznej języka (na materiale języka rosyjskiego i litewskiego)

Jak wiadomo, struktura języka ulega ciągłym zmianom. W artykule porównywane są procesy i wyniki zmian struktury językowej od syntetyzmu do analityzmu w morfologii języków bliskich pod względem genetycznym i typologicznym – rosyjskiego i litewskiego.

Analiza materiału wykazała, że dynamika współczesnego społeczeństwa, zmiana norm socjalnych, politycznych oraz psychologicznych w ostatnich dziesięcioleciach wywołała w języku rosyjskim aktywne procesy narastania cech analitycznych w odróżnieniu od litewskiego, który, pozostając językiem tradycyjnie konserwatywnym, w znacznie mniejszym stopniu przesunął się w stronę analityzmu.

Słowa kluczowe: budowa syntetyczna, budowa analityczna, cechy analityzmu, demokratyzacja, europeizacja, globalizacja społeczeństwa